

13	0139*	ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО	“Остановись!”
----	-------	-------------------	---------------

К. Шульженко посвящается

“Остановись!” (Коренблит – Евтушенко)

1. Яблоко и оса	- 2.01
2. Города Нет и Да	- 2.52
3. Эта пляска	- 1.20
4. Этот страх	- 1.29
5. А что потом?	- 1.23
6. Сон	- 1.43
7. Куда?	- 1.47
8. Я люблю тебя	- 1.52
9. Любимая, спи	- 4.07
10. Жестокость	- 1.29
11. Чуть-чуть	- 1.06
12. Не исчезай	- 2.27
13. Думай обо мне	- 2.28
14. Не надо	- 1.57
15. Одиночество	- 5.26
16. Прощение	- 2.47
17. Зачем ты так?	- 2.04
18. Остановись!	- 2.50
19. О восстановлении	- 2.02
20. Понял я	- 3.26
21. Молодость появится	- 2.35
<i>Общее время звучания – 49.11</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЯБЛОКО И ОСА

Само упало яблоко с небес
или в траву его подбросил бес?
А может, ангел сбил крылом с ветвей
или столкнул руладой соловей?

Ударился о землю нежный бок,
и брызнул из него шипящий сок.
Прося меня: "Скорее подбери..." –
чуть зазвенели зернышки внутри.

Светясь, лежало яблоко в росе,
и не хотело быть оно, как все,
и отдыхало телом и душой,
как малая планета на большой.

А в трещину его, ничуть не зла,
оса так вождедеюще вползла,
и, яблоко качая на весу,

с ним вместе внес я в комнату осу.

И, вылетев из яблока, оса
на разные запела голоса,
как будто золотинка жизни той,
где жало неразлучно с красотой.

Но чем больше времени укус,
тем вечность обольстительней на вкус.

2. ГОРОДА НЕТ И ДА

Я, как поезд, что мечется столько уж лет
между городом Да и городом Нет.
Мои нервы натянуты, как провода,
между городом Нет и городом Да!

Все мертво, все запутано в городе Нет.
Он похож на обитый тоской кабинет.
По утрам натирают в нем желчью паркет.
В нем диваны - из фальши, в нем стены - из бед.

В нем глядит подозрительно каждый портрет.
В нем насупился замкнуто каждый предмет.
Черта с два здесь получишь ты добрый совет,
или, скажем, привет, или белый букет.

Пишмашинки стучат под копирку ответ:
"Нет-нет-нет... Нет-нет-нет... Нет-нет-нет..."
А когда совершенно погасится свет,
начинают в нем призраки мрачный балет.

Черта с два - хоть подохни - получишь билет,
чтоб уехать из черного города Нет...
Ну, а в городе Да - жизнь, как песня дрозда.
Этот город без стен, он - подобье гнезда.

С неба просится в руки любая звезда.
Просят губы любые твоих без стыда,
бормоча еле слышно: "А, - все ерунда..." –
и сорвать себя просит, дразня, резеда,

и, мыча, молоко предлагают стада,
и ни в ком подозрения нет ни следа,
и куда ты захочешь, мгновенно туда
унесут поезда, самолеты, суда,

и, журча, как года, чуть лепечет вода:
"Да-да-да... Да-да-да... Да-да-да..."
Только скучно, по правде сказать, иногда,

что дается мне столько почти без труда
в разноцветно светящемся городе Да...

Пусть уж лучше мечусь до конца моих лет
между городом Да и городом Нет!
Пусть уж нервы натянуты, как провода,
между городом Нет и городом Да!

3. ЭТА ПЛЯСКА

Эту пляску в платках и монистах,
приподняв слегка от земли,
взяли под руки гармонисты
и, как девушку, повели.

Повели, повели по кругу
в заводь звездную, в глубину,
как негаданную подругу,
как нечаянную жену.

И такая была эта пляска,
помавающая плечом,
как шальная опаска подпaska,
звезды смахивающая бичом.

Эта пляска, как ласка с дразнилкой,
присушила, глазами кося,
так что месяц дрожал половинкой
обручального, что ли, кольца....

4. ЭТОТ СТРАХ

Когда взошло твое лицо
над жизнью скомканной моею,
вначале понял я лишь то,
как скудно все, что я имею.

Но рощи, реки и моря
оно особо осветило
и в краски мира посвятило
непосвященного меня.

Я так боюсь, я так боюсь
конца нежданного восхода,
конца открытий, слез, восторга,
но с этим страхом не борюсь.

Я понимаю – этот страх
и есть любовь. Его лелею,
хотя лелеять не умею,
своей любви небрежный страж.

Я страхом этим взят в кольцо.
 Мгновенья эти – знаю – кратки,
 и для меня исчезнут краски,
 когда зайдет твое лицо...

5. А ЧТО ПОТОМ?

Ты спрашивала шёпотом:
 "А что потом? А что потом?"
 Постель была расстелена,
 и ты была растеряна...

Но вот идешь по городу,
 несешь красиво голову,
 надменность рыжей челочки
 и каблучки-иглолочки.

В твоих глазах – насмешливость,
 и в них приказ – не смешивать
 тебя с той самой, бывшею,
 любимой и любившею.

Но это – дело зряшное.
 Ты для меня – вчерашняя,
 с беспомощно забывшейся
 той челочкою сбившейся.

И как себя поставишь ты,
 и как считать заставишь ты,
 что там другая женщина
 со мной лежала шепчуще

и спрашивала шёпотом:
 "А что потом? А что потом?"

6. СОН

Проснуться было, как присниться,
 присниться самому себе
 под вспыхивающие зарницы
 в поскрипывающей избе.

Припомнить - время за грибами,
 тебя поднять, растеребя,
 твои глаза открыть губами
 и вновь увидеть в них себя.

Для объяснений слов подсобных
 совсем не надо было нам,
 когда делили мы подсолнух,
 его ломая пополам.

И сложных не было вопросов,
когда вбегали внутрь зари
в праматерь-воду, где у плесов
щекочут ноги пескари.

А страх чего-то безотчетно
нас леденил по временам.
Уже вокруг ходило что-то,
уже примеривалось к нам.

Но как ресницами – в ресницы,
и с наготою – нагота,
себе самим опять присниться
и не проснуться никогда?

7. КУДА?

Ты большая в любви. Ты смелая.
Я – робею на каждом шагу.
Я плохого тебе не сделаю,
а хорошее вряд ли смогу.

Все мне кажется, будто бы по лесу
без тропинки ведешь меня ты.
Мы в дремучих цветах до пояса.
Не пойму я – что за цветы.

Не годятся все прежние навыки.
Я не знаю, что делать и как.
Ты устала. Ты просишься на руки.
Ты уже у меня на руках.

"Видишь, небо какое синее?
Слышишь, птицы какие в лесу?
Ну так что же ты? Ну? Неси меня!"
А куда я тебя понесу?..

8. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя больше природы,
ибо ты, как природа сама.
Я люблю тебя больше свободы –
без тебя и свобода – тюрьма.

Я люблю тебя неосторожно,
словно пропасть, а не колею.
Я люблю тебя больше, чем можно –
больше, чем невозможно, люблю.

Я люблю безоглядно, бессрочно,

даже пьянствуя, даже грубя,
и уж больше себя - это точно! –
даже больше, чем просто тебя.

Я люблю тебя больше Шекспира,
больше всей на земле красоты, -
даже больше всей музыки мира,
ибо книга и музыка - ты.

Я люблю тебя больше, чем славу,
даже в будущие времена,
чем заржавленную державу,
ибо Родина - ты, не она.

Ты несчастна? Ты просишь участия?
Бога просьбами ты не гневи.
Я люблю тебя больше счастья.
Я люблю тебя больше любви.

9. ЛЮБИМАЯ, СПИ

Соленые брызги блестят на заборе,
Калитка уже на запоре. И море,
дымясь и вздымаясь, и дамбы долбя,
соленое солнце всовало в себя.

Любимая, спи... Мою душу не мучай.
Уже засыпают и горы, и степь.
И пес наш хромучий, лохмато-дремучий,
ложится и лижет соленую цепь.

И море – всем топотом, и ветви - всем ропотом,
и всем своим опытом – пес на цепи,
а я тебе – шепотом, потом – полусшепотом,
потом – уже молча: "Любимая, спи..."

Любимая, спи... Позабудь, что мы в ссоре.
Представь: просыпаемся. Свежесть во всем.
Мы в сене. Мы сони. И дышит мацони.
Откуда-то снизу, из погреба, - в сон.

О, как мне заставить все это представить
тебя, недоверу? Любимая, спи...
Во сне улыбайся (все слезы отставить!),
цветы собирай и гадай, где поставить,
и множество платьев красивых купи.

Бормочется? Видно, устала ворочаться?
Ты в сон завернись и окутайся им.
Во сне можно делать все то, что захочется,

все то, что бормочется, если не спим.

Не спать безрассудно, и даже подсудно, -
ведь все, что подспудно, кричит в глубине.
Глазам твоим трудно. В них так многолюдно.
Под веками легче им будет во сне.

Любимая, спи... Что причина бессонницы?
Ревущее море? Деревьев мольба?
Дурные предчувствия? Чья-то бессовестность?
А может, не чья-то, а просто моя?

Любимая, спи... Ничего не попишешь,
но знай, что невинен я в этой вине.
Прости меня - слышишь? - люби меня - слышишь? –
хотя бы во сне, хотя бы во сне!

Любимая, спи... Мы на шаре земном,
свирепо летящем, грозящем взорваться, -
и надо обняться, чтоб вниз не сорваться,
а если сорваться - сорваться вдвоем.

Любимая, спи... Ты обид не копи.
Пусть сонники тихо в глаза заселяются.
Так тяжело на шаре земном засыпается,
и все-таки - слышишь, любимая? - спи...

И море - всем топотом, и ветви - всем ропотом,
и всем своим опытом - пес на цепи,
и я тебе - шепотом, потом - полушепотом,
потом - уже молча, "Любимая, спи..."

10. ЖЕСТОКОСТЬ

Много слов говорил умудренных,
много гладил тебя по плечу,
а ты плакала, словно ребенок,
что тебя полюбить не хочу.

И рванулась ты к ливню и к ветру,
как остаться тебя ни просил.
Черный зонт то тянул тебя кверху,
то, захлопавши, вбок относил.

И как будто оно опустело,
погруженное в забытие,
это детское тонкое тело,
это хрупкое тело твое.

И кричали вокруг водостоки,

словно криком кричал белый свет:
 "Мы жестоки, жестоки, жестоки,
 и за это пощады нам нет".

Все жестоко - и крыши, и стены,
 и над городом неспроста
 телевизорные антенны,
 как распятие без Христа...

11. ЧУТЬ-ЧУТЬ

Чуть-чуть мой крест, чуть-чуть мой крестик,
 ты - не на шее, ты - внутри.
 Чуть-чуть умри, чуть-чуть воскресни,
 потом опять чуть-чуть умри.
 Чуть-чуть влюбись, чуть приласкайся,
 чуть-чуть побудь, чуть-чуть забудь,
 чуть-чуть обидь, чуть-чуть раскайся,
 чуть-чуть уйди, вернись чуть-чуть.
 Чуть-чуть поплачь - любви не дольше,
 как шелуха, слети с губы,
 но разлюби чуть-чуть - не больше!
 и хоть чуть-чуть не разлюби.

12. НЕ ИСЧЕЗАЙ

Не исчезай... Исчезнув из меня,
 развоплотясь, ты из себя исчезнешь,
 себе самой навеки изменяя,
 и это будет низшая нечестность.

Не исчезай... Исчезнуть - так легко.
 Воскреснуть друг для друга невозможно.
 Смерть втягивает слишком глубоко.
 Стать мертвым хоть на миг - неосторожно.

Не исчезай... Забудь про третью тень.
 В любви есть только двое. Третьих нету.
 Чисты мы будем оба в Судный день,
 когда нас трубы призовут к ответу.

Не исчезай... Мы искупили грех.
 Мы оба неподсудны, невозбранны.
 Достойны мы с тобой прощенья тех,
 кому невольно причинили раны.

Не исчезай. Исчезнуть можно вмиг,
 но как нам после встретиться в столетях?
 Возможен ли на свете твой двойник
 и мой двойник? Лишь только в наших детях.

Не исчезай. Дай мне свою ладонь.
 На ней написан я - я в это верю.
 Тем и страшна последняя любовь,
 что это не любовь, а страх потери.

13. ДУМАЙ ОБО МНЕ

Весенней ночью думай обо мне
 и летней ночью думай обо мне,
 осенней ночью думай обо мне
 и зимней ночью думай обо мне.
 Пусть я не там с тобой, а где-то вне,
 такой далекий, как в другой стране, -
 на длинной и прохладной простыне
 покойся, словно в море на спине,
 отдавшись мягкой медленной волне,
 со мной, как с морем, вся наедине.

Я не хочу, чтоб думала ты днем.
 Пусть день перевернет все кверху дном,
 окурит дымом и зальет вином,
 заставит думать о совсем ином.
 О чем захочешь, можешь думать днем,
 а ночью - только обо мне одном.
 Услышь сквозь паровозные свистки,
 сквозь ветер, тучи рвущий на куски,
 как надо мне, попавшему в тиски,
 чтоб в комнате, где стены так узки,
 ты жмурилась от счастья и тоски,
 до боли сжав ладонями виски.

Молю тебя - в тишайшей тишине,
 или под дождь, шумящий в вышине,
 или под снег, мерцающий в окне,
 уже во сне и все же не во сне –
 весенней ночью думай обо мне
 и летней ночью думай обо мне,
 осенней ночью думай обо мне
 и зимней ночью думай обо мне.

14. НЕ НАДО

Не надо... Все призрачно - и темных окон матовость,
 и алый снег за стоп-сигналами машин.
 Не надо... Все призрачно, как сквер туманный мартовский,
 где нет ни женщин, ни мужчин - лишь тени женщин и мужчин.

Не надо... Стою у дерева, молчу и не обманываю,
 гляжу, как сдвоенные светят фонари,
 и тихо трогаю рукой, но не обламываю
 сосульку тоненькую с веточкой внутри.

Не надо... Пусть в бултыхающемся заспанном трамваике
с Москвой, качающейся мертвенно в окне,
ты, подперев щеку рукою в детской варежке,
со злостью женской вспоминаешь обо мне.

Не надо... Ты станешь женщиной, усталой
умной женщиной, по слову доброму и ласке голодна,
и будет март, и будет мальчик, что-то шепчущий,
и будет горестно кружиться голова.

Не надо... Пусть это стоит, как и мне, недешево,
с ним не броди вдвоем по мартовскому льду,
ему на плечи свои руки ненадежные
ты не клади, как я сегодня не кладу.

Не надо... Не верь, как я не верю призрачному городу,
не то, очнувшись, ужаснешься пустырю.
Скажи: "Не надо..." - опустивши низко голову,
как я тебе сейчас "не надо..." говорю.

15. ОДИНОЧЕСТВО

Как стыдно одному ходить в кинотеатры
без друга, без подруги, без жены,
где так сеансы все коротковаты
и так их ожидания длинны!
Как стыдно - в нервной замкнутой войне
с насмешливостью парочек в фойе
жевать, краснея, в уголке пирожное,
как будто что-то в этом есть порочное...
Мы, одиночества стесняясь, от тоски
бросаемся в какие-то компании,
и дружб никчемных обязательства кабальные
преследуют до гробовой доски.
Компании нелепо образуются –
в одних все пьют да пьют, не образуются.
В других все заняты лишь тряпками и девками,
а в третьих - вроде спорами идейными,
но приглядишься – те же в них черты...
Разнообразны формы суеты!
То та, то эта шумная компания...
Из скольких я успел удрать - не счесть!
Уже как будто в новом был капкане я,
но вырвался, на нем оставив шерсть.
Я вырвался! Ты впереди, пустынная
свобода... А на черта ты нужна!
Ты, милая, но ты же и постылая,
как нелюбимая и верная жена.
А ты, любимая? Как поживаешь ты?

Избавилась ли ты от суеты?
 И чьи сейчас глаза твои раскосые
 и плечи твои белые роскошные?
 Ты думаешь, что я, наверно, мщу,
 что я сейчас в такси куда-то мчу,
 но если я и мчу, то где мне высадиться?
 Ведь все равно мне от тебя не высвободиться!
 Со мною женщины в себя уходят, чувствуя,
 что мне они сейчас такие чуждые.
 На их коленях головой лежу,
 но я не им – тебе принадлежу...

А вот недавно был я у одной
 в невзрачном домике на улице Сенной.
 Пальто повесил я на жалкие рога.
 Под однобокой елкой с лампочками тускленькими,
 посвечивая беленькими туфельками,
 сидела женщина, как девочка, строга.
 Мне было так легко разрешено приехать,
 что я был самоуверен
 и слишком упоенно современен –
 я не цветы привез ей, а вино.
 Но оказалось все - куда сложнее...
 Она молчала, и совсем сиротски
 две капельки прозрачны - две сережки
 мерцали в мочках розовых у ней.
 И как больная, глядя так невнятно,
 поднявши тело детское свое,
 сказала глухо: "Уходи... Не надо...
 Я вижу – ты не мой, а ты – ее..."
 Меня любила девочка одна
 с повадками мальчишескими дикими,
 с летящей челкой и глазами-льдинками,
 от страха и от нежности бледна.
 В Крыму мы были. Ночью шла гроза,
 и девочка под молниєю магнийной
 шептала мне: "Мой маленький! Мой маленький!" - ладонью
 закрывая мне глаза.
 Вокруг все было жутко и торжественно,
 и гром, и моря стон глухонемой,
 и вдруг она, полна прозренья женского,
 мне закричала: "Ты не мой" Не мой!"
 Прощай, любимая! Я твой угрюмо, верно,
 и одиночество – всех верностей верней.
 Пусть на губах моих не тает вечно
 прощальный снег от варежки твоей.
 Спасибо женщинам, прекрасным и неверным,
 за то, что это было все мгновенным,
 за то, что их "прощай!" - не "до свиданья!",

за то, что, в лживости так царственно-горды,
даруют нам блаженные страдания
и одиночества прекрасные плоды.

16. ПРОЩЕНИЕ

Всегда найдется женская рука,
чтобы она, прохладна и легка,
жалая и немножечко любя,
как брата, успокоила тебя.

Всегда найдется женское плечо,
чтобы в него дышал ты горячо,
припав к нему беспутной головой,
ему доверив сон мятежный свой.

Всегда найдутся женские глаза,
чтобы они, всю боль твою глуша,
а если и не всю, то часть ее,
увидели страдание твое.

Но есть такая женская рука,
которая особенно сладка,
когда она измученного лба
касается, как вечность и судьба.

Но есть такое женское плечо,
которое неведомо за что
не на ночь, а навек тебе дано,
и это понял ты давным-давно.

Но есть такие женские глаза,
которые глядят всегда грустя,
и это до последних твоих дней
глаза любви и совести твоей.

А ты живешь себе же вопреки,
и мало тебе только той руки,
того плеча и тех печальных глаз...
Ты предавал их в жизни столько раз?!

И вот оно - возмездье - настает.
"Предатель!" - дождь тебя наотмашь бьет.
"Предатель!" - ветки хлещут по лицу.
"Предатель!" - эхо слышится в лесу.

Ты мечешься, ты мучишься, грустишь.
Ты сам себе все это не простишь.
И только та прозрачная рука
простит, хотя обида и тяжка,

и только то усталое плечо
простит сейчас, да и простит еще,
и только те печальные глаза
простят все то, чего прощать нельзя.

17. ЗАЧЕМ ТЫ ТАК?

Когда радист "Моряны", горбясь,
искал нам радиомаяк,
попал в приемник женский голос:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

Она из Амдермы кричала
сквозь мачты, льды и лай собак,
и, словно шторм, кругом крепчало:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

Давя друг друга нелюдимо,
хрустя друг другом так и сяк,
одна другой хрипели льдины:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

Белуха в море зверобою
кричала, путаясь в сетях,
фонтаном крови, всей собою:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

Ну, а его волна рябая
швырнула с лодки, и бедняк
шептал, бесследно погибая:
Зачем ты так? Зачем ты так?"

Я предаю тебя, как сволочь,
и нет мне удержу никак,
и ты меня глазами молишь:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

Ты отчужденно и ненастно
глядишь - почти уже как враг,
и я молю тебя напрасно:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

И все тревожней год от году
кричат, проламывая мрак,
душа - душе, народ - народу:
"Зачем ты так? Зачем ты так?"

18. ОСТАНОВИСЬ!

Проклятье века - это спешка,

и человек, стирая пот,
по жизни мечется, как пешка,
попав затравленно в цейтнот.

Поспешно пьют, поспешно любят,
и опускается душа.
Поспешно бьют, поспешно губят,
а после каются, спеша.

Но ты хотя б однажды в мире,
когда он спит или кипит,
остановись, как лошадь в мыле,
почувяв пропасть у копыт.

Остановись на полдороге,
доверься небу, как судье,
подумай – если не о Боге –
хотя бы просто о себе.

Под шелест листьев обветшалых,
под паровозный хриплый крик
пойми: забегавшийся - жалок,
остановившийся - велик.

Пыль суеты сует сметая,
ты вспомни вечность наконец,
и нерешительность святая
вольется в ноги, как свинец.

Есть в нерешительности сила,
когда по ложному пути
вперед на ложные светила
ты не решаешься идти.

Топча, как листья, чьи-то лица,
остановись! Ты слеп, как Вий.
И самый шанс остановиться
безумством спешки не убий.

Когда шагаешь к цели бойко,
как по ступеням, по телам,
остановись, забывший Бога, -
ты по себе шагаешь сам!

Когда тебя толкает злоба
к забвенью собственной души,
к бесчестью выстрела и слова,
не посмеши, не соверши!

Остановись, идя вслепую,
о население Земли!
Замри, летя из кольца, пуля,
и бомба в воздухе, замри!

О человек, чье имя свято,
подняв глаза с молитвой ввысь,
среди распада и разврата
остановись, остановись!

19. О ВОССТАНОВЛЕНИИ

Померкло блюдечко во мгле,
все воском налитое...
Свеча, растаяв на столе,
не восстанавливается.

Рубанком ловких технарей
стих закуривается,
а прелесть пушкинских кудрей
не восстанавливается.

От стольких губ, как горький след,
лишь вкус отравленности,
а вкус арбузов детских лет не восстанавливается.

Тот, кто разбил семью, к другой
не приравнивается,
и дружба, хрустнув под ногой,
не восстанавливается.

На поводках в чужих руках
народы стравливаются,
а люди - даже в облаках
не восстанавливаются.

На мордах с медом на устах
след окровавленности.
Лицо, однажды мордой став,
не восстанавливается.

Лишь при восстании стыда
против бесстыдности
избежим Страшного суда –
сплошной пустынности.

Лишь при восстании лица
против безликости
жизнь восстанавливается
в своей великости.

Детей бесстыдство может съесть –
не остановится.
А стыд не страшен. Стыд - не смерть.
Все восстановится.

20. ПОНЯЛ Я

Зашумит ли клеверное поле,
заскрипят ли сосны на ветру,
я замру, прислушаюсь и вспомню,
что и я когда-нибудь умру.

Но на крыше возле водостока
встанет мальчик с голубем тугим,
и пойму, что умереть - жестоко
и к себе, и, главное, к другим.

Чувства жизни нет без чувства смерти.
Мы уйдем не как в песок вода,
но живые, те, что мертвых сменяют,
не заменят мертвых никогда.

Кое-что я в жизни этой понял, -
значит, я недаром битым был.
Я забыл, казалось, все, что помнил,
но запомнил все, что я забыл.

Понял я, что в детстве снег пушистей,
зеленее в юности холмы,
понял я, что в жизни столько жизней,
сколько раз любили в жизни мы.

Понял я, что тайно был причастен
к стольким людям сразу всех времен.
Понял я, что человек несчастен,
потому что счастья ищет он.

В счастье есть порой такая тупость.
Счастье смотрит пусто и легко.
Горе смотрит, горестно потупясь,
потому и видит глубоко.

Счастье - слово взгляд из самолета.
Горе видит землю без прикрас.
В счастье есть предательское что-то –
горе человека не предаст.

Счастливым был и я неосторожно,
слава Богу – счастье не сбылось.

Я хотел того, что невозможно.
Хорошо, что мне не удалось.

Я люблю вас, люди-человеки,
и стремление к счастью вам прощу.
Я теперь счастливым стал навеки,
потому что счастья не ищу.

Мне бы – только клевера сладинку
на губах застывших убережь.
Мне бы – только малую слабинку –
все-таки совсем не умереть.

21. МОЛОДОСТЬ ПОЯВИТСЯ

А снег повалится, повалится,
и я прочту в его канве,
что моя молодость повадится
опять заглядывать ко мне.

И поведет куда-то за руку,
на чьи-то тени и шаги,
и вовлечет в старинный заговор
огней, деревьев и пурги.

И мне покажется, покажется
по Сретенкам и Моховым,
что молод не был я пока еще,
а только буду молодым.

И ночь завертится, завертится
и, как в воронку, втянет в грех,
и моя молодость завесится
со мною снегом ото всех.

Но, сразу ставшая накрашенной
при беспристрастном свете дня,
цыганкой, мною наигравшейся,
оставит молодость меня.

Начну я жизнь переиначивать,
свою наивность застыжу
и сам себя, как пса бродячего,
на цепь угрюмо посажу.

Но снег повалится, повалится,
закружит все веретеном,
и моя молодость появится
опять цыганкой под окном.

А снег повалится, повалится,
и цепи я перегрызу,
и жизнь, как снежный ком, покатится
к сапожкам чьим-то там, внизу.